

The background of the book cover is a photograph of a brick building partially obscured by the branches and leaves of trees. The leaves are in various shades of green and yellow, suggesting an autumn setting. The brickwork is reddish-brown and shows some signs of wear and small openings.

Марта Шарлай

**Адам
Вспоминает**

Повесть

Марта Шарлай
Адам вспоминает

«Издательские решения»

2015

Шарлай М.

Адам вспоминает / М. Шарлай — «Издательские решения», 2015

Повесть «Адам вспоминает» охватывает события — главным образом душевные — одного дня, вполне будничного, если бы это не был день рождения жены Адама, Ханны, парализованной и лишённой рассудка престарелой женщины. Адам, чувствуя приближение смерти, вспоминает свою жизнь.

© Шарлай М., 2015

© Издательские решения, 2015

Адам вспоминает

Повесть

Марта Шарлай

© Марта Шарлай, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Он проснулся рано. Не по будильнику, нет. В семьдесят с гаком просыпаешься с птицами, не испытывая ни малейшего недовольства. Природа подгоняет под себя. Человеческое постепенно становится чем-то другим. Он подбирал образы, вода по щекам электробритвой, глядя в потускневшее зеркало, всё в рябых пятнах, похожих на те, что у него на руках. Деревья, птицы, земля, может быть, даже камин. Он чувствовал себя скорее деревом, старым-старым. Много годовых кругов, много соков – но все они текут теперь медленно, превратившись в тягучий сироп. Вот и его старая берёза уже так мало даёт сока. Ханна любит берёзовый сок. А он просит прощения у каждой берёзы, которую надрезает: «Ты пойми меня, Ханна больше ничего не любит, кроме твоего сока. Что прикажешь делать?» И надрезает. Каждую весну. Одна берёза, такая же старая, как он, вызывала у него больше нежности. Пусть и не дарила ему своего сока. То есть не ему – Ханне.

Он выключил бритву, пригладил расчёской – ей чёрт знает, сколько лет – густую белую шевелюру. Ханна называет его – бес. Потому что её косы поредели и выщвели, а у него, словно у беса, говорит Ханна, как была эта шапка – хоть бы волос упал. Зато белый, словно его пеплом засыпали.

«Эй, бес!» – кричит Ханна из спальни. Он прислушивается к интонации – в духе ли она сегодня? Открывает дверь ванной комнаты и слушает дальше. Она стонет: «Почему именно сейчас тебе приспичило? Куда собрался-то?» Он говорит, застыв между ванной и спальней, словно в одном из переходов лабиринта Мидаса: «Скоро откроется магазин. Схожу куплю поесть. И ещё кое-куда зайду». «Это к гадюке той? Ах ты, бес сивой. Я встать не могу, так ты к ней, да?» Ему смешно. Но он не смеётся, чтобы не раздражать её больше. Нет, он не будет смеяться. Он стирает улыбку ладонью, и только голова сама собой качается из стороны в сторону. «Ханна, Ханна, сколько же нам лет...» – сокрушается про себя. Её ревность – два десятилетия назад ещё – так бы его обрадовала.

Тогда Ханна была совсем другой. Не замечала часов, дней, порхала из вчера в сегодня. Смеялась. Какой раскатистый был у неё смех... Шутила. Не была ворчливой, не ревновала его к пустоте. Он ждал её. Каждый день ждал, когда она откроет дверь, обнимет его, назовёт: «Адамик». Но она только принимала всё как должное.

А сейчас он боится. Кто бы знал, как боится он этого дня, который всё приближается. Как он просит каждую ночь, сквозь сон, сам не знает кого, – дать силы, не закрывать ему глаза слишком рано, не обездвиживать, не брать туда, где он ничего не знает. Что будет с Ханной без него? Он спрашивает об этом каждый день – не себя, сам-то он понимает, но того, кто молчит на все его вопросы. Молчит и продолжает следить за ним, Адамом. Сам-то Адам знает, что неважно справляется со своей жизнью. Жизнь его – исчезающая с каждым днём, тревожная, обидная, отчаянная, горькая, желанная и, как в молодости, взбалмошная. Жизнь его – Ханна. Что ему от неё не избавиться, он понял довольно быстро, и больше не пытался. А прошла уже вечность.

Да, он пребывает здесь вечность. Эта мысль часто слетает к нему назойливым мотыльком. И не то чтобы он не устал от этого – от вечности, да и от мысли, не то чтобы его не тяготила

череда одних и тех же дней, но он боится того, что ждёт их обоих, его и Ханну, потом. Уж лучше пусть будет как есть.

«Сделай мне чаю, бес! Чаю хочу!»

Каждое утро она просыпается со зверским аппетитом, который утоляет сладким-пресладким чаем – большая кружка – и бутербродом: кусок пшеничного хлеба, обильно намазанный маслом, и внушительный кусок сыра. Она терпеть не может, если нарежешь сыр тоньше, чем сделала бы она сама. Иногда она просит шоколад – и у него всегда припасена плитка. Сам он не ест сладкого. В крайнем случае масло посыпает сахаром. Такой бутерброд в его детстве – самое дорогое лакомство. И вдруг он с горечью думает, что не знает, какое любимое лакомство девочки Ханны, с которой он ещё не был знаком. А если вспоминать её детство, то... душу щёлочью выедаёт. Нет, не было бедняжке Ханне лакомств, а оттого он готов подносить ей что угодно – любую сладость, которую она пожелает. Всегда был готов – с первого мгновения, когда понял, что Ханна – ему жена, и иной не будет.

Он ставит чайник на огонь. Пока вода вскипает в карстовых стенках некогда эмалированного сосуда (порой Адам думает: стоит снять крышку, чтобы набрать воды, и там обнаружится полное тайных знаков изваяние), он успеет умыть Ханну и причесать. Потом, пока чай будет настаиваться в заварнике, становясь сначала красноватым, потом всё темнее и темнее, приобретая больше терпкости, он поможет Ханне переодеться в дневное.

Её нужно усадить поудобнее и включить телевизор. Она мало что понимает там, но ей важно видеть жизнь, хотя бы и чужую, далёкую, всю помещённую в тесное окно экрана. Что, собственно, такое их жизнь? Разве не то же шоу, отгороженное от всего остального невидимым заслоном? И их кто-то наблюдает, оценивает, смеётся над ними, может быть, сострадает. А они барахтаются здесь...

Хорошо ещё, что она говорит с ним, хотя и на свой манер. Бес... Ну и пусть – бес. Он не возражает. Главное, чтобы ей не было страшно. Так, как ему. А ему страшно – он ощущает это глубоко внутри: там холодеет и скукоживается то, что было когда-то большим и тёплым; и он сам сутулится, опускает плечи, всё чаще держит руки на животе, словно бы старается сохранить последние крохи остывающего тепла.

На экране улыбающаяся молодая Валентина Толкунова начинает пританцовывать с первыми аккордами своей «Жалейки». Ханна подхватывает:

*Нет без тревог ни сна, ни дня.
Где-то жалейка плачет...*

И улыбается, и глаза сияют, как когда она впервые услышала эту песню... Восемьдесят второй или третий?.. Он думает, именно это слово, «жалейка», нравилось ей больше всего. Она и распевала его так, что у него сжималось сердце. Он, конечно, никогда не говорил ей об этом.

*Ты заболеешь, я приду —
Боль разведу руками...*

О, он хотел этого! И он представлял в тайне от себя самого, как бы вернулась прежняя, молодая, здоровая, Ханна и сняла с него боль, тревогу, назойливые мысли о смерти. Десять лет назад он о смерти рассуждал только гипотетически или даже с усмешкой. А лет пять назад, после приступа, пошёл к нотариусу. Та, которую любят называть старухой, вдруг слишком отчётливо показала ему свою мерзкую физиономию. И похожа была скорее на гаргулюю, чем на старуху. Цербером готова была наброситься на Адама, высовывала ядовитый свой язык.

А Ханна поёт... И он не смеет подойти к ней, чтобы снять ночную сорочку. В каких глубинах хранит она этот голос, его Ханна? Где он успел окунуться в святой родник, чтобы

спальня их сейчас звенела вместе с ним? Поверить ли: лишённая памяти и рассудка, Ханна поёт куплет за куплетом, нигде не споткнётся... Он застыл, смотрит на неё во все глаза. Может быть, он ненароком попал в восемьдесят второй и, сманившись Ханниным высоким голосом, замер там?.. Да нет же, вот она, встрёпанная, беззубая его Ханна, с синеватыми губами, впалыми коричневыми щеками... Её веки опущены. Нет, это она не здесь – унеслась, никто её не достанет сейчас. Поёт... Без заминки, ни одной фальшивой ноты... Тонкая сухая кожица век дрожит, бескровные губы улыбаются...

Мелодия с её голоса прохладным ручьём льётся в жаркий полдень. Такой точно ручей он нашёл мальчишкой, собирая грибы в лесу до самого солнцепёка. Истомлённый, он нагнулся к воде и пил, не желая отрываться – не мог напиться. А потом погрузил своё лицо, горячее, и наслаждался прохладой воды. Он не знал, что когда-нибудь снова испытает такое же чувство, но уже не от лесного ручья.

И льётся её голос, голос Ханны, и он не в силах пойти на кухню, и стоять истуканом – мука. Вот сейчас он хотел бы плакать навзрыд, да никогда этого не мог: взрыд останется для самого страшного, и он только смутно догадывается, что это будет за миг. Правда, он боится: а что, если и тогда не выйдет?.. Рыдание, говорят, облегчает душевную боль...

*Я растоплю кусочки льда
Сердцем своим горячим...*

И слёзы покатались по её щекам из закрытых глаз. Будто пробились на поверхность подземные воды.

«Ну что ты, Хануля, чего расстроилась?» «Помираю я, бес», – говорит она и машет рукой, будто согласна, будто не собирается протестовать. Но он-то не согласен. «Рано, поживи ещё». «Тебе бы только мучить меня», – устало говорит и откидывает голову на подушку. Он не находит что ответить, идёт на кухню – там он знает своё дело: режь хлеб, намазывай маслом, перебивай, остужая, чай из кружки в кружку.

Завтрак проходит мирно – она не опрокинула чай, вполне сноровисто съела свой бутерброд. Потом говорит вдруг, вытирая ладонью немного влажный подбородок: «Я на улицу хочу. Свет белый видеть хочу. Хватит меня в склепе держать. Я знаю, ты прячешь от меня что-то. Боишься – украду. И украду». Она говорит это грустно, спокойно, без обыкновенной раздражительности.

Сердце его замедляется. Надо выпить лекарство. «Подожди, Ханна, я сейчас». Она надувает губы – думает, он не хочет выполнять её просьбу. Лекарства здесь, в тумбочке. Только бы дотянуться. Дотягивается. Вот и хорошо, вот и хорошо. Ложится на кровать, на свою половину. На их общую большую кровать, вросшую в этот дом, в этот пол. Они в этой кровати спят больше полувека, ночь за ночью. А сейчас Ханна и дни напролёт в кровати. Это теперь весь её мир. Кровать, телевизор и окно – сколько хватит обзора. Не больно-то много она там видит. Разве пару соседских окон да верхушки лип. Летом он распахивает окно, и сладкий запах влетает к ним в дом, и кружится голова, и Ханна говорит: «Пахнет макушкой ребёнка». Она уверяла, что головка их маленькой дочери пахнет в точности как липа. Неужели сейчас конец? И даже дочери не сказать – телефон слишком далеко. Нельзя. Нужно дожидаться лета. Данута сказала – решено, этим летом их увезёт. Он всё возражал: тут всё – огород, и квартира, в которой они с Ханной столько лет... И вообще, там чужбина. И язык чужой, и люди другие... Но теперь нет, он не отказывается. Теперь он боится – как внезапно достанет его смерть, налетит, сцапает... Что будет с Ханной?

«Эй, бес! Ты что, спишь?» Она смотрит на него глазами, полными слёз, он не видит, но чувствует. «Нет, Ханя», – хотел бы он сказать, но язык не слушается. Тогда он качает головой. А потом чувствует, как она проводит рукой – дотянулась – по его лбу, глазам, щеке. «Не надо, –

говорит. – Не надо. Побудь ещё со мной. Все умерли. Я одна. Не оставляй, бес. Говори...» И вдруг: «У меня есть муж. Адам. Адамок. Он есть, точно тебе говорю. Я скучаю о нём. Слышишь, бес?» И она плачет. И сердце останавливается. Он не чувствует ударов. Пошевелиться не может. Не своими губами – свои никогда не знали этих слов – он произносит: «Отче наш, иже еси на небесех...»

Он не учил молитв, не ходил в церковь. Его мать, проклятая своими родителями за любовь к чужаку, если и питала любовь к Богу, то никогда этого не показывала. Она не говорила на Бога ни дурного слова, ни доброго. Его мать, в широченной льняной юбке и воздушной белой кофте, согнутая над полем, пахнувшая этим полем, парным воздухом, травой и женским телом. Выпрыгнув когда-то из муслинового платья, предназначенного дочери торгаша, бывшей на выданье, она влезла в эту юбку и, кажется, не снимала её до последнего дня. Она не стеснялась своей природы, краснела не от робости, но от работы или простой радости, так что полная грудь её, не скованная ничем: ни лишними одеждами, ни лишними заботами, кроме самых насущных, всегда колыхалась под просторной кофтой. И не однажды он замечал, как естественная мать его отходила в сторонку от возделываемой грядки, чтобы присесть, справляя нужду, даже не собирая вверх юбки, и тут же вернуться к оставленному на секунду делу.

Её родителей – своих бабушку и дедушку – Адам так никогда и не увидел. Когда он спрашивал о них, мать отвечала: «О, они так далеко, нам ни за что туда не добраться». Это потом уже он узнал, что мать его гнали со страшными словами из дому за связь с бедняком, его отцом.

Но сейчас, читая «Отче наш», он всё же вспоминает своё крещение. И треск свечей, и хриплый голос священника сквозь густую курчавую бороду, его облачение, строгий взгляд. Он, Адамок, тогда плакал, точно его не крестили, а бесов из него гнали. И когда поп срезал с его головы клочок, как положено по обряду, он зарыдал уже во весь голос. Таинство было долгим, помещение – душным и тесным, голос священника – чужим, неприятным, взор – слишком неласковым.

Что должно было открыться трёхлетнему младенцу?.. То ли что мать его, желая снять родительское проклятье, отдала своего первенца православному Богу, потому что именем католической церкви позорили её и всё её будущее потомство?.. Добрый Бог (она, должно быть, надеялась, что здешний Бог добрее) должен был всех их простить и принять на другой земле, сотворив им спокойное житьё.

Адамок прервал рыдание, когда голубка села на окно, стала топтаться, наклоняя голову то так, то эдак. Он ткнул в неё пальцем и сказал: «Отче наш». Его крёстная, женщина, к которой он не успел ещё привыкнуть, хотя она и держала его на руках не в первый раз, улыбнулась и ответила: «Нет, Святой Дух». С тех пор Адамок называл всех голубей святыми духами. «Духи, духи!» – кричал он, гоняясь за сизыми птицами по двору. Мать не стала разоблачать этого заблуждения и только посмеивалась над безыскусным восторгом своего мальчика.

А там, в домово́й церкви, когда он увидел белую голубку за окном, он своим детским сознанием дошёл, что вся эта мука в душной комнате, на руках чужой женщины, все эти шептанья над ним, троекратное купание в огромном эмалированном тазу, были не зря – вот его награда. Голубка смотрела на Адамека совсем иначе, чем поп в чёрном облачении. И тогда он перестал скорбеть и стал радоваться.

Ханна стала шипеть зло: «А ну пошла, вон пошла...» Он чувствовал, как она разгоняет воздух руками. Если бы он мог, то хотел бы сейчас улыбнуться – Ханна отгоняла от него смерть. Её подёрнувшийся дымкой разум сохранил верность приметам. Она всегда ненавидела птиц, садящихся на окно. «Эти твари несут вести о смерти», – говорила она. Из-за окна доносилось хлопанье крыльев – бедолаги пытались примоститься на карнизе. Он проговорил с трудом,

стараясь звучать отчётливо: «Ханя, я не сплю». Но её внимание было занято. Она злилась, шипела и, словно развинченная механическая игрушка, делала движения невпопад.

«Ханя... – Он поднялся с усилием, помогая себе её именем. – Ничего. Это ничего. Всё обошлось, и слава Богу». Не сегодня ему умирать – ещё чего, в её день рождения, в её юбилей. Первым делом он прогнал голубку и распахнул окно, пуская октябрьский воздух. «Я ненадолго открою окно», – сказал он. Ханна не ответила. О своём желании погулять она, должно быть, уже забыла и теперь унеслась в другие фантазии, уставясь немигающим взглядом на экран, где герои мыльной оперы по обыкновению кричали и всплёскивали руками.

Когда-то она смотрела эти мыльные оперы с упоением. Утром – новая серия, вечером – повтор. Повтор – обязательно. Особенно если серия была интересной. Он смотрел вместе с ней, в душе дивясь тому, почему её, столько всего пережившую, притягивают эти глупые героини, с глупыми разговорами, ненатуральными интонациями, лживыми взглядами. Но он тоже смотрел. Терпел и всплёскивания руками, и бесконечные междометия. Запоминал усердно все мексиканские имена – Ханна время от времени спрашивала у него, кто есть кто и чего хочет, чего замышляет. Словно Адам знал всё и больше. Она сидела в кресле, совсем близко к телевизору, он на диване. Иногда он подставлял стул к креслу, усаживался поближе к ней. В особенно благостном расположении духа она предлагала ему кресло, и он не мог позволить себе не принять этот жест любви. Она спрашивала: «Что он делает? Зачем она так поступила?» И он комментировал в меру возможностей и терпения. В последнее время она почти не смотрела на экран, но то и дело спрашивала, что там происходит. Будто слепая. Внутренне он негодовал, но держался изо всех сил, а потом всё-таки срывался: «Как ты узнаешь, что там происходит, если не будешь внимательно и молча смотреть?» Она обижалась, обзывала его поганым бесом, молчала весь оставшийся день.

Он подумал, с каким наслаждением посмолил бы сейчас на балконе (она говорила: «Смалишь и смалишь, никакого продыху нет!»). Но когда доктор категорически запретил ему курить, пригрозив, что в противном случае жить ему не больше двух лет, он бросил. Полвека не мог бросить, а тут докурил последнюю самокрутку и запретил себе мечтать о следующей. Смотрел на Ханну и думал о том, что с ней будет, приключись с ним смерть.

Адам ощутил запах табака-самосада. Ноздри приятно защекотало. Он не перестал его выращивать – хорошее средство против жуков на капусте. Да и вообще. Ему нравилось, как растёт табак. Ханна, конечно, предпочитала помидоры и клубнику. Она рассматривала красивые сочные ягоды, нежила их в руках, говорила: «Красивые, как на картине». Ханна ела ягоды со сметаной, но немного. Помидоры – с сахаром. Ой, как же она всегда обожала их. Разные – бычье сердце, дамские пальчики. Да, особенно дамские пальчики. А как готовила малосольные огурцы! Ни у кого он лучше не ел. Теперь приходилось засаливать самому.

Огород Ханна не любила – работать на нём. Зато радовалась, как ребёнок, сбору урожая. Тогда она ждала мужа с нетерпением. Он притаскивал полные сумки, она разбирала, любуясь плодами его труда, вскрикивала, что какая-нибудь Дикая Роза: «Ай, Адамек, смотри ж ты, какая красота!» А он усталый, потный, ему не до восторгов. Оставлял в коридоре велосипед, шёл в ванную и приводил себя в порядок, пока она раскладывала овощи, зелень, вдыхала летние ароматы, надкусывала красный помидор, потом огурец – приходила в ещё большее воодушевление от сочного хруста. И счастье заливало её волной свежести. У этого счастья был особенно выражен запах укропа. Она нюхала охапку, словно букет цветов, и не могла пресытиться. Потом они вместе решали, что делать со всем огородным добром. Закатывали на зиму, делали салаты, щавелевый холодник, ели так, с солью, с сахаром, с горячей бульбой, с кефиром.

Кроме овощей, он приносил и грибы. С каждой осенью всё меньше и меньше – силы уже не те, ноги едва держат, спина тоже. Пригоршню соберёт – на суп, ещё пару пригоршен на жарку – и довольно. Больше остальных грибов Ханна любила лисички. Первыми выуживала

их из корзинки и тут же готовила из них суп, весёлая, спорая. Все остальные – белые, подберёзовики, опята – оставались на его усмотрение.

Сейчас Ханна равнодушна к лисичкам, дамским пальчикам, белому наливу, щавелевому холоднику. А раньше! «Сам бес, когда бы отведал холодника, – говорила она, – тут же стал бы праведным. Боженьки мои, до чего вкуснотища!» И Адам соглашался, что это очень вкусно – щавелевый холодник вприкуску с дымящейся бульбой в мундире. Пальцы печёт, а ты всё равно её берёшь, подбрасываешь, кусаешь за румяный коричневый бочок...

Силы у него давно кончились. Уже лет пять он работает на огороде с куда меньшим энтузиазмом, чем раньше. Усталости больше – плодов меньше. Но отказаться совсем – нет. Если перестать держать огород, жизнь перевернётся, повредится, потечёт по другому руслу. И Ханна лишится радостей лета. И лето станет другим: душным, скучным, бесплодным, как их жизнь в остальную пору. Так он думал. Но минувшее лето стало последним из отрадных и принесло на редкость славный урожай. Вот он и запомнит его, последний урожай своей жизни, и то, как Ханна в последний раз, просияв, сказала: «Ты глянь, какие помидоры! Не меньше, чем сердце быка!» А больше ничего и не осталось, кроме памяти – его памяти, теперь вынужденной поддерживать их обоих. Вот почему ему нельзя сейчас умирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.